

ISSN 0321-3056

ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Северо-Кавказский регион

Проблемы филологии

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

СПЕЦВЫПУСК 2006

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации по печати
Научно-образовательный и прикладной журнал
Издается с 1973 г.
Спецвыпуск «Проблемы филологии» 2006 г.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

СОДЕРЖАНИЕ

Николенко О.В. Варьирование сложноподчиненных предложений с однородным соподчинением придаточных в русском языке	3
Четверикова О.В. Формально-смысловые структуры художественного дискурса И.А. Бунина как репрезентанты когнитивного типа и идиостиля писателя	6
Царикаева Ф.А. Сравнительно-сопоставительный анализ средств связи сложноподчиненного предложения русского и осетинского языков	9
Погосова К.О. Способы вербализации эмоций	14
Волкова М.О. Диафонические соотношения гласных в русском и адыгейском языках.	17
Кравцов С.М. Источники когнитивной ценности фразеологии (на материале русского и французского языков)	18
Севрук Н.М. Роль семантического переноса в организации текстовой парадигмы фразеологизмов (на материале произведения Л. Филатова «Еще раз о голом короле»)	22
Холомоенко О.М. Лингвистические особенности «женской литературы» и «женской прозы»	26
Семенова В.Г. Философское осмысление природы глагольного времени	31
Кудинова Т.А. Гетерогенность языкового феномена просторечия	35
Утижева Л.Б. Фольклорные мотивы в комедии-водевиле Б.К. Утижева «Аул Свергайсвекрухово»	38
Асанова М.С. К вопросу о структурно-семантической характеристике именного конверсионного словообразования в английском и карачаево-балкарском языках	41
Денежкина Т.В. Французское арго, его место в современном языке и литературе	43
Кельгова Р.Д. Ингушская поэзия 1920–1930-х годов: к вопросу эволюции и поэтики жанров	49
Скрипаенко А.Н. Лексико-семантическая структура глаголов запрета в английском языке (дефиниционный анализ).	51
Хагба Л.Р. Ценностные ориентиры этических категорий «апсуара» – «абхазство» и «адыгагъэ» – «адыгство» (на материале идиоматики).	53
Радченко Г.И. Разноуровневые языковые средства интенсификации в произведении Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника»	55
Букаренко С.Г. Стереотипная сочетаемость соматизмов-подлежащих и прилагательных-сказуемых размера, цвета, формы	57
Сарбанева А.М. Эволюция балкарской драматургии в контексте литературного процесса	61
Олядыкова Л.Б. Этикетный жанр речи йорел (благопожелание) у калмыков.	65
Неустроев К.С. Косвенные директивы в теории коммуникации	69
Афашокова Л.А. Национально-специфический характер оценочной категоризации (на материале карачаево-балкарского языка)	73
Гергокаева Д.Д. Жанровая детерминированность эгомаркированности научного дискурса (на материале английского и русского языков)	75

8. Словарь современного русского литературного языка. АН СССР. М., 1956. Т. 5.
9. *Kravtsov Sergueï*. Dictionnaire russe-français des locutions idiomatiques équivalentes. Paris, 2005.
10. *Федоров А.И.* Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск, 1973.
11. *Коришонов А.М.* Отражение, деятельность, познание. М., 1979.
12. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М., 1986.
13. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. М., 2005.
14. *Степанов Ю.С.* Константы // Словарь русской культуры. М., 2001.
15. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П. Жукова. М., 1987.

Ростовский государственный педагогический университет

27 ноября 2006 г.

© 2006 г. Н.М. Севрук

РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВОЙ ПАРАДИГМЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (на материале произведения Л. Филатова «Еще раз о голом короле»)

Импульсом для новых исследовательских направлений служит «неугасающий интерес лингвистов к фразеологическим единицам языка» [1, с. 4]. Высокий обобщающий потенциал имеет установка на систематизацию семантических соотношений между прямыми исходными и производными переносными значениями лексем и коррелирующих с ними фразеологических единиц (ФЕ), с чем связана лексико-фразеологическая регулярность переносных значений [2, 3].

В русле этого направления укрепляется понятие текстовой парадигмы ФЕ как способа их организации, представляющего языковые системные связи в единстве с текстовыми закономерностями (функциональными, коммуникативными, эстетическими, прагматическими). Задача статьи – охарактеризовать и обосновать связь между семантическим переносом и текстовой парадигмой ФЕ.

Выбор эмпирического материала и лексикографического источника мотивирован онтологически. Язык Л.А.Филатова показателен неповторимым синтезом оригинальности и опоры на классическую традицию; к пьесам это относится в большей мере по сравнению с прозой и лирикой. «Еще раз о голом короле» – единственное произведение, в котором не только текст насыщен фразеологизмами, но и название включает ФЕ; причем в подзаголовке подчеркивается усиленная прецедентность: «Не такая уж и сказка на темы Ганса Христиана Андерсена и Евгения Шварца» [4]. Это благоприятствует релевантности материала для анализа семантических явлений. В контекстах ФЕ выделяются полужирным шрифтом.

В качестве лексикографического источника избран Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова [5]. Его отличает комплекс существенных признаков: единство в представлении слова и ФЕ, значимое для решаемой в статье задачи; репрезентативность, включая совпадение с данными других авторитетных источников; полнота и контемпоративность – соответствие времени создания текста Леонида Филатова и его активного читательского освоения, вхождения в обновляемую русскую языковую картину мира. Приводимые ФЕ в словарных статьях представ-

лены системно, преимущественно во фразеологических отделах.

Решение поставленной задачи предполагает три взаимосвязанных аспекта. *Во-первых*, применительно к материалу конкретизируется *текстовая парадигма ФЕ*, поскольку роль семантических переносов определяется именно для нее. *Во-вторых*, выявляются *функциональные возможности* переносов для организации рассматриваемой парадигмы. *В-третьих*, эти возможности обосновываются *концептуально*, для чего адекватен современный понятийный аппарат исследования метафоры с ее расширенным пониманием.

Текстовую парадигму ФЕ представляют системные отношения, связывающие употребление единиц с определенным речевым планом, с качественными и количественными характеристиками. В исследуемом материале текстовую парадигму характеризуют ограничения, связанные со значимостью семантического переноса.

Обратимся к речевым планам персонажей и автора. Из 31 говорящего персонажа пьесы лишь пять лиц используют ФЕ. Это принцесса Генриетта, ее отвергнутый возлюбленный свинопас Генрих, король-отец, король-жених и старшая фрейлина. В речи остальных, включая многословных, говорливых свинопаса-«кимиджмейкера» Христиана, министра нежных чувств и т.д., нет ни одной ФЕ. Лишь единственный раз ФЕ представлена в многочисленных и красноречивых авторских ремарках. Такое соотношение уже количественно не является случайным: ФЕ как емкая семантическая форма включена в речевые характеристики избирательно.

Примечательно, что все пять названных лиц активно привлекают и другие образные средства, включая лексемы в переносных значениях; их можно уподобить так называемым «метафорическим личностям» М. Блэка [6]. Для речевой характеристики прочих персонажей значимо отсутствие этой черты.

В качественном плане показательно, что среди пяти данных языковых личностей художественного текста активнее всего использует ФЕ принцесса. Старшая фрейлина, король-жених и даже Генрих прибегают к фразеологизмам от одного до четырех раз; в речи принцессы – 18 употреблений ФЕ.

Генриетта, носитель здоровых ренессансных идеалов, соединяющая душевное благородство и земные эмоции, включающая высокие чувства сниженной лексикой, представлена как языковая личность, склонная к семантическим переносам.

В текстовой парадигме ФЕ, вложенные ей в уста, разнообразны по степени привычности – оригинальности. Достаточно стандартен оборот с переносным фразеологически связанным значением существительного **знак**:

Я ухожу отсюда в знак протеста.

Три поцелуя – для меня ничто!..

См. словарное представление: «В доказательство чего-л., в целях демонстрации чего-л. *Уход в знак протеста*» [5, с. 367].

Если рассматривать данный оборот в общей текстовой парадигме ФЕ, то в нем можно усмотреть и оттенок речевой самоиронии.

Только в речи принцессы налицо повторяемость ФЕ, что для текстовой парадигмы принципиально [7, с. 111–113]. Показательна и качественная сторона повторяемой единицы – она включает компонент **замуж**, определяющий для фабулы. В выразительной речи Генриетты этот компонент вербализован, между тем как в речи короля-отца, испытывающего речевые затруднения, явлен имплицитно. Такое соотношение подтверждает корреляцию развернутых и свернутых вариантов ФЕ, зафиксированную специальными фразеологическими словарями. В текстовой парадигме участвуют три контекста: в /а/ и /б/ компонент ФЕ **замуж** выражен имплицитно, а в /в/ – вербализован:

/а/ Чтоб я – и на глазах всего народа,

Честь королевства не беря в расчет, –

Вдруг выдал дочь свою за свиновода?..

/б/...К тому же, я не делаю секрета

И говорю открыто, не юля,

Что дочь моя Принцесса Генриетта

За датского выходит короля!..

/в/ (сочувственно смотрит на Короля)

Подумаю еще – идти ли замуж...

Ты малоприятельный такой!..

См.: «Замуж... Выйти замуж за кого. Стать женой кого-л. Выдать (отдать) замуж за кого. Устроить брак (женщины), согласиться на вступление в брак своей дочери, сестры и т.п.» [5, с. 334].

Отчасти приведенное противопоставление соотносится с той склонностью Генриетты называть вещи своими именами, которая оригинально, контрапунктом соединяется с эстетикой минимализма.

Принцесса – единственная, кто представлен и как активный реципиент фразеологизма, а не только как продуцент; эта многоплановая представленность также существенна для текстовой парадигмы ФЕ. Генриетта реагирует на ФЕ в речи собеседника соответственно образной специфике, природе этой единицы. См. ее реакцию на реплику ненавистной старшей фрейлины – на использованную той ФЕ **мороз по коже**:

Старшая фрейлина

Смотреть на вас – и то мороз по коже!..

Принцесса (язвительно)

Накиньте плащ!.. Становится свежо!..

См.: «Мороз по коже. О неприятном ощущении от внезапного страха, ужаса» [5, с. 557].

В реакции принцессы налицо игра прямым и переносным значениями слова **мороз**: семантическим стимулом служит прямое значение компонента **мороз** (использованного фрейлиной в переносном, фразеологически связанном): см.: «мороз. 1. Холод, стужа» [5, с. 557] – *накиньте плащ...*

Петля обратной связи, представленная двуединством вербализованного переносного значения и имплицитного прямого: «мороз по коже – накиньте плащ», показательна и в своих более широких контекстуальных корреляциях. Речевое изящество принцессы на грубую старшую фрейлину не оказало желаемого действия, и Генриетта *«выходит из себя*:

Ты что ко мне, зануда, привязалась,

Ты что меня тиранить без конца?»

И только это речевое действие оказывается эффективным, что характеризует не столько принцессу, сколько ее ненавистницу.

Этот игровой же контекст – один из крайне немногих, демонстрирующих комическую функцию ФЕ. Автор, признанный мастер юмористической эстетики, в том числе в данном произведении, почти не использует в нем ФЕ в комическом назначении. Наоборот, здесь они соотносятся с так называемой первой реальностью, без того игрового контраста ожидаемого и действительного, который служит основой юмора и способствует различным его корреляциям с драматизмом, трагизмом [8, с. 54–76]. ФЕ в этом тексте служат иной основной функции – категоричности выражения, в ряде контекстов соотносимой с усилением драматизма.

Так, категоричность, акцентирование интенсивности представлено в речи всех пяти вышеупомянутых персонажей, что выступает как аспект текстовой парадигмы ФЕ. Особенно показательны такие ФЕ в речи Генриха /а-б/ и принцессы /в-г/:

/а/ А я готов с Принцессой целоваться

Буквально сутки рядом день и ночь!..

См.: «в знач. нареч. Все время, не переставая» [5, с. 251].

/б/ Я выманил Принцессу на прогулку,

Чтоб с нею по душам поговорить...

См.: «По душам. Откровенно, начистоту» [5, с. 290].

/в/ Принцесса (интимно)

К тебе я потому лишь так нежна,

Что ты мне люб... Ведь, если откровенно, -

Шкатулка мне и на фиг не нужна!..

См.: «На фиг. Разг. Кто-л. совершенно не нужен; что-л. совершенно не нужно, не требуется» [5, с. 1421].

/г/ Министр нежных чувств (в смятении)

Горошина!.. Ну, что же тут такого?..

Какой пустяк!.. Горошина!.. Одна!..

Принцесса (дотошно)

Но объясни мне внятно и толково:

На кой она в постели мне нужна?..

См.: «На кой. Разг.-сниж. Зачем, к чему, для чего» [5, с. 438].

Следует обратить внимание на эстетически значимый мотив искренности. Он представлен двумя весьма различными способами: фразеологизмом **по душам**

поговорить в реплике Генриха и в связанных с нею репликах принцессы, где сниженные единицы, включая ФЕ **на фиг, на кой**, – исследованное лингвистами свидетельство отказа от фальшивых условностей в пользу непосредственности. Мотив искренности, таким образом, оказывается существенным для организации текстовой парадигмы ФЕ.

Обратимся ко второму аспекту роли семантических переносов в организации текстовой парадигмы – к их функциональным возможностям.

В материале выявлена двунаправленная роль семантического переноса:

– перенос играет определяющую роль в создании ФЕ как целого;

– семантический перенос значим для функционирования ФЕ как части в составе более сложного целого – текста.

Проиллюстрируем первую функциональную возможность – переносы, служащие формированию ФЕ как языковой единицы вне широкого контекста. Таков фразеологизм **лечь на амбразуру** (характеризующий в произведении любовные отношения):

4-я фрейлина (*рыдает*)

Возьми меня!..

Генрих (*фрейлинам и Христиану*)

Держите эту дуру!..

Она сорвет любовный нам процесс!..

...Простите, лечь на эту амбразуру

Сегодня мы пускаем лишь принцесс!..

См.: «Бросаться/ложиться на амбразуру. 1. Закрывать собою. 2. Совершать благородные рискованные поступки, не приносящие обычно реальной пользы» [5, с. 37]

Единица отражает тот вид системной закономерности, когда «регулярная многозначность ФЕ обеспечивается двойным метафорическим переносом устойчивых сочетаний слова и зависит от характера внутренней формы фразеологизмов» [2]. В толкованиях дифференцирована отнесенность первого, исходного значения к акционально-физической сфере – и второго, переносного, к духовной.

Причем эта системная корреляция оказывается тройной. Ее фразеологический слой поддерживается двумя лексическими. Как значения ФЕ коррелируют два значения компонента **лечь**: прямое и переносное. А в семантике компонента **амбразура** определяются также два значения: прямое (акциональной сферы) и фразеологически связанное, соотносимое и с акциональной сферой, и с духовной.

Так конкретизируется положение о том, что «аналогичные семантические зависимости устанавливаются у лексем и фразеологизмов с одноименными или однокоренными компонентами... у метафорических значений ФЕ, включающих одноименный субстантивный компонент» [2].

В обобщении, обоснованном Т.Л.Павленко, показателна и типологическая характеристика – «метафорический». Именно этот вид переносов обладает наибольшей объяснительной силой для материала.

Перейдем ко второй функциональной возможности семантического переноса – к его роли в функционировании ФЕ как части текста.

Переносы в этом аспекте неоднородны. У отдельных ФЕ они поддерживают определенную семантическую линию в организации парадигмы на ограниченном текстовом пространстве. Таковы переносные значения, связанные с искренностью /а/ и категоричностью /б-в/, у выделенных компонентов:

/а/ Король (с удовольствием)

Режь правду-матку!.. Только по порядку.

Хами всюю, отчаянный старик!..

См.: «Разг. Истинная, сущая правда, откровенно высказываемая» [5, с. 952];

/б/ *Вы за ночь шить успеете наряд?..*

Генрих

Раз плюнуть!.. Только следует заранее

Нам выбрать ткань...

См.: «Разг. Легко, без особых усилий выполнить, сделать что-л.» [5, с. 846];

/в/ Король (*сердито*)

Лияй отсюда, умник!.. Топай, топай!..

Твои вопросы мне не по нутру!..

См.: «(Не) по нутру. (Не) нравится, (не) быть по вкусу, по душе» [5, с. 660].

А одну, «заглавную» ФЕ – **голый король** – семантический перенос превращает в семантически доминирующую в макропространстве почти всего текста. См.: «Голой король. О том, кто не имеет реальной власти, не пользуется авторитетом» [5, с. 217].

Прямое и переносное значения связаны тремя слоями корреляции. Первый охватывает эту ФЕ как целое.

Второй и третий слои корреляции определяются у компонентов ФЕ. Так, компонент **голый** имеет помимо переносного прямое значение «1. Не имеющий на себе никакой одежды, не прикрытый одеждой; нагой» [5, с. 217]. Ср. пьесу А. Миллера «Голой король», не воспроизводящую традиций Андерсена и посвященную только любовным связям Эдуарда VIII Английского, на всем протяжении действия расхаживающего неглиже, – здесь использовано только прямое значение каждой из лексем в рамках свободного, нефразеологического сочетания.

У второго компонента, **король**, ироническая отнесенность в определенных контекстах – особенно в речи принцессы – к некоронованным персонажам проявляет семантику «3. Разг. О том, кто является первым, самым лучшим среди других» [5, с. 459].

Текстовую парадигму этой ФЕ формируют разнообразные связи между прямым и переносным значениями. Наиболее регулярно используются соответствующие значения глаголов **надеть, одеться, раздеть**.

Показательно прямое значение однозначного деривата **голь**, см.: «Оборванцы, нищие, беднота», мотивируемое переносное значением прилагательного «голый. 7.Разг. Неимущий, очень бедный...» [5, с. 217] и относимое к имущественной сфере. Так текстовую парадигму обогащают одновременно два вида системных отношений: многозначность и ассоциативно-деривационные отношения.

Взгляни на королей в соседних странах:

Не короли – а так, сплошная голь!

Укреплению текстовой парадигмы ФЕ служит финальная фраза текста со стандартной формой фразеологизма, вложенная в уста Генриху:

Настало время голых королей.

Третий аспект анализа – концептуальное обоснование рассмотренных функций семантического переноса. Возможности взаимодействия значений в рамках текстовой парадигмы ФЕ могут объясняться спецификой метафоры, и неслучайно этот тип переноса отмечался, например, профессором Т.Л. Павленко при характеристике ФЕ. Оговорим при этом многомерное понимание метафоры, укрепившееся в рамках когнитивной лингвистики. Для когнитивной теории характерен широкий подход к выделению метафор по формальным признакам: т.е. даже при наличии таких показателей, как *as if*, *like*, *as though*; в то время как в других теориях сравнение и метафора отчетливо разграничиваются. Так, Н.Д. Арутюнова называет метафорой «любой способ косвенного выражения мысли». В качестве метафоры рассматриваются не только сравнения, но и метаморфоза, гипербола, некоторые перифразы, фразеологизмы [9, 10].

Категоризация материала позволяет отметить, что объяснительной силой обладают три взаимосвязанных свойства метафоры: универсальная эвристичность, ассоциативный аспект и семантическое многообразие, включающее индивидуально-авторский аспект.

Обратимся к первому свойству. Уже Аристотель к достоинствам метафорических переносов относит их эвристические свойства: «метафоры заключают в себе загадку» и являются единственным средством языка, способным выразить «невыразимое», так как «в загадке сущность состоит в том, чтобы «говорить о действительном, соединяя невозможное, – сочетанием общеупотребительных слов этого сделать нельзя, сочетанием же переносных слов можно» [11]. И в дальнейшем метафору определяют как одно из важнейших средств обозначения комплексов представлений, которые не имеют еще адекватных наименований. Метафора – это нечто такое, что с неизбежностью вытекает из природы человека и проявляется не только в языке поэзии, но также – и даже прежде всего – в обиходной речи при использовании образных выражений и красочных эпитетов [12].

Считают, что обычная концептуальная система восприятия, с помощью которой человечество живет, думает и действует, по природе своей является метафорической [13]. Доказательством этому положению может служить тот факт, что язык метафорических образов не требует от индивида специальной когнитивной подготовки при его создании и интерпретации.

Из положения об универсальной эвристичности метафоры правомерен вывод о том, что она обладает особым потенциалом в текстовых пространствах, несущих определенную новую информацию, новое эстетическое начало. И если в них используются ФЕ – универсальная эвристичность метафоры активизирует соответствующие переносные значения.

Второе свойство метафоры, существенное для организации текстовой парадигмы ФЕ, – ассоциативность. Так, в основу распространенной в настоящее время интеракционистской теории метафоры были положены психолингвистическая концепция метафоры А. Ричардса, опирающаяся на понятийную теорию значения, и логическая концепция М. Блэка, основанная на теории референции. Авторы понимают человеческий ра-

зум как связующий орган, соединяющий разрозненные идеи в бесконечное множество полученных ассоциаций. По мнению Ричардса, в метафоре участвуют «две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение и есть результат этого взаимодействия» [4, с. 44–67]. М. Блэк говорит о взаимодействии «двух разнородных референтов». Один из них – та сущность, которая выступает как основная», второй – сущность «вспомогательная», «соотносимая с «обозначением уже готового наименования». Эти сущности гетерогенны по своей природе, каждая имеет свой «ассоциативный комплекс», что позволяет им синтезировать качественно новую информацию, которая, по Блэку, формируется «как если бы представление об основной сущности проходило через фильтр вспомогательный – ее ассоциативного комплекса» [6, с. 15].

Итак, при общем рассмотрении метафора представляет собой видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора, как правило, относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным, непосредственно ненаблюдаемым мыслительным пространствам, которые в процессе познания соотносятся через метафору с более простым или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами. В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности, причем одно и то же мыслительное пространство может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор.

Ассоциативная основа метафоры также является предпосылкой для организации текстовой парадигмы с участием семантических переносов, поскольку ассоциативные связи в лексике и фразеологии обычно упорядочиваются в рамках парадигм.

Третье свойство метафоры, объясняющее роль семантического переноса для текстовой парадигмы ФЕ, – семантическое многообразие метафор, включающее индивидуально-авторский аспект. Традиционный анализ метафоры с точки зрения переноса названия с одного предмета, действия, свойства на другие на базе сходства их признаков. Согласно этому критерию, различают метафорические значения на основании сходства предметов по их **форме, расположению, функциям**. Это многообразие привело к тому, что исследователи, рассматривая процесс метафоризации как исторически развивающуюся и изменяющуюся категорию, разграничили метафору общенародную и индивидуально-авторскую.

К общенародным, или общеязыковым, относят те переносно-фигуральные значения, которые широко бытуют в разговорной речи народа. Как правило, это устойчивая метафоризация, характерная для всех носителей языка. Свообразие индивидуально-авторской метафоризации заключается в том, что она создается и бывает понятной лишь в контексте художественных произведений, поэтому она авторски индивидуальна. Предполагается классификация слов, которые легко

метафоризируются, и выделяется ряд лексических серий среди названий животных, растений, явлений природы; ценных минералов и ископаемых; материй и одежды. Анализируя закономерности использования метафорических значений, подчеркивают, что суть дела в приемах, которые помогают автору раскрыть существо переносного значения, выделить его и сделать понятным читателю. Наиболее распространенными приемами в этом списке считают раскрытие образно-метафорических значений путем сопоставлений, аналогий; создание параллелизма значений, прямого и переносно-метафорического; пояснение метафорического значения слов путем приложений; создание синонимических рядов, используемых в едином тексте; включение слов в новые для них смысловые и синтаксические связи; создание антитез, аналогий, построенных на основе метафорических значений; снижение экспрессивного поэтического ореола метафор; пояснение метафорических значений слов, используемых в качестве названий художественных произведений; создание с помощью метафор перифрастических выражений.

Основная проблема метафорического переноса сводится к нахождению сходств и различий между значениями, которые подразумеваются автором метафорического переноса, и прямым значением используемой им фразы. Таким образом, теория метафорического переноса заключается в выведении ряда принципов, согласно которым адресат речи, имея в распоряжении прямое значение фразы, способен восстановить ее метафорический смысл.

Отмеченное многообразие метафор также благоприятствует организации текстовой парадигмы с участием переносов – главной линией причинных отношений здесь выступает то, что содержательно-эстетические задачи могут неисчерпаемо обновляться в связи с системным ростом метафорических возможностей. Это соотносится с тенденцией обогащения фразеологического запаса языка.

Резюмируем основные результаты анализа:

1. Использование ФЕ служит дифференциации речевых планов персонажей, причем избирательность и ограничения функционального плана тесно связаны с характером переносных значений у ФЕ и их компонентов.
2. Особенности использования семантических переносов в текстовых парадигмах подтверждают типологическую динамику ФЕ [16, с. 195–199].

3. Значительная роль семантических переносов в текстовых парадигмах ФЕ объяснима в рамках широкого – когнитивного – истолкования метафоры. Принципиальна системообразующая взаимообусловленность между динамикой метафор и неисчерпаемостью текстово-эстетических запросов.

Литература

1. Меликян В.Ю., Остапенко А.И. Словарь фразеологизированных сложноподчиненных предложений русского языка. Ростов н/Д, 2006.
2. Павленко Т.Л. Лексико-фразеологическая регулярность переносных значений // Словесность: традиции и современность. Ростов н/Д, 2006.
3. Золотых Л.Г. Реализация смысла фразеологических единиц в художественных текстах М. Булгакова // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. науч. статей. Вып. I. Тамбов, 2006.
4. Филатов Л.А. Избранное. М., 2006.
5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2004.
6. Black M. Language and Reality // The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method. Chicago, 1967.
7. Лычкина Ю.С. Текстовые парадигмы фразеологизмов – основа многоаспектной характеристики личностных свойств героев романа М.А.Шолохова «Тихий Дон» // Словесность: традиции и современность. Ростов н/Д, 2006.
8. Исунов К.Г. Комическое и трагическое в аспектах исторической эстетики // В диапазоне гуманитарного знания. СПб., 2001.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
10. Пономаренко И.Н. Диссимметричный лексический ряд как элемент текстообразования // Язык. Дискурс. Текст. Ч. II. Ростов н/Д, 2005.
11. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1982.
12. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 2001.
13. Tilley C. Metaphor and Material Culture. Oxford, 1999.
14. Ричардс Р. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990.
15. Burridge K. Weeds in the Garden of World. Cambridge, 2004.
16. Меликян В.Ю. К вопросу о типологии фразеологического состава языка // Язык. Дискурс. Текст. Ч. I. Ростов н/Д, 2005.

Ростовский государственный педагогический университет

27 сентября 2006 г.

© 2006 г. О.М. Холомеенко

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» И «ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ»

Проблема выделения «женской литературы» в качестве отдельной рубрики возникла с развитием теории феминизма. Представительницы этого движения считают, что в литературе сложилась ситуация неравноправия мужских и женских текстов, что выражается в преимущественном преобладании первых. Этот факт

феминистки объяснили господством патриархальной картины мира, в которой мужчина занимает ведущую позицию.

Кроме того, в феминистской среде возникла идея о том, что мужчины и женщины пишут различно. Это повлияло на возникновение феминистской теории «женской